

ПОЗИЦИЯ ИРИ ПО АВГУСТОВСКОЙ ВОЙНЕ 2008 г. И ПОСТКОНФЛИКТНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ ИРАНА)

Ж.Д. Тарханова

В статье раскрываются особенности кавказской внешней политики Исламской Республики Иран и информационные стратегии иранской прессы по освещению южнокавказских этнополитических конфликтов на примере Августовской войны 2008 г. и постконфликтному урегулированию. Выявляются причины «амбивалентной» политики ИРИ в регионе обусловленной сложными политическими, торгово-экономическими, историко-культурными факторами, влияющие на деятельность ИРИ на Южном Кавказе. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ политики ИРИ и Турции, выявляется официальная «гибкая» стратегия в отношении с постсоветскими республиками: Азербайджаном, Арменией и Грузией, которая заключается в признании территориальной целостности этих стран, при этом взаимоотношения осложняются рядом аспектов, в случае с Грузией – это недружественный для Ирана прозападный, евроатлантический курс Тбилиси. Проблема рассматривается в контексте ирано-российских отношений и ирано-грузинских отношений, которым были присущи определенные риски в рассматриваемый период: позиция РФ в ООН по ядерной программе ИРИ; интеграционные процессы и тенденции, инициируемые Грузией с НАТО и Европейским союзом. Указанные факторы определяли дипломатическую деятельность Ирана в отношении августовского кризиса и постконфликтного периода. Проблема исследуется по материалам иранских государственных и проправительственных СМИ, а также региональной прессы за период с августа 2008 г. по декабрь 2017 г., официальных документов ИРИ, Грузии, научных трудов ученых, занимающихся проблемами региональной безопасности на Южном Кавказе. Выявляется трансформация внешнеполитической концепции МИД ИРИ и официальных СМИ с 2008 по 2017 гг. в контексте отношений с Республикой Южная Осетия. Информационные подходы иранских СМИ соотносятся с официальной внешнеполитической стратегией ИРИ, отмечается отсутствие альтернативной информационной концепции.

Ключевые слова: Иран, Грузия, Южная Осетия, кавказская политика Ирана, августовская война 2008 г., СМИ.

Для цитирования: Тарханова Ж.Д. Позиция ИРИ по августовской войне 2008 г. и постконфликтному урегулированию (по материалам СМИ Ирана) // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 51 (90). С. 65-86. DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.011

Исламская Республика Иран после развала СССР в начале 90-х гг. XX в. предприняла активные действия по формированию и развитию кавказского вектора своей внешней политики в регионе, над которым утратила контроль в XIX в. в результате военного поражения Российской

империей. Тегеран признал независимость и установил дипломатические отношения со всеми тремя новыми закавказскими республиками: Азербайджаном, Арменией и Грузией. Но о планах по экспансии на постсоветском пространстве Иран заявил еще в период существования СССР, когда официальные представители ИРИ посетили Тбилиси в период президентства З. Гамсахурдия, а за день до прекращения существования СССР: 25 декабря 1991 г. признал независимость Грузии. 15 мая 1992 г. были установлены двусторонние дипломатические отношения. Контакты проходили в период острого противостояния Тбилиси с бывшими автономиями Южной Осетией и Абхазией. В условиях эскалации напряженности в зоне грузино-абхазского конфликта, в январе 1993 г. президент Грузии Э. Шеварднадзе посетил Тегеран, где был принят лидером ИРИ Аятоллой Али Хосейни Хаменеи и президентом ИРИ Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Итогом переговоров стало заключение 17 основополагающих документов, среди которых Декларация «О принципах дружеского сотрудничества между Грузинской республикой и Исламской Республикой Иран». Однако отношения не вышли на высокий, доверительный уровень, и не стали прорывными в связи с началом экспансии США в Грузии.

Внешнеполитическая концепция

Ирана в отношении постсоветских государств выражалась в умеренном, осторожном курсе, в выстраивании отношений со всеми тремя государствами, ставшими ареной этнополитических вооруженных конфликтов. Характерной особенностью кавказской политики Ирана в отличие от его исторического соперника – Турции – являлось равноудаленность от участников и сторон вооруженных конфликтов. Демонстрировался отказ от односторонней поддержки республик, вовлеченных в военные действия; прилагались дипломатические усилия в качестве посредника по урегулированию противостояния бывших союзных республик со своими автономиями, провозгласившими независимость в результате национально-освободительной борьбы. Приоритетом кавказского вектора внешней политики Ирана стала поддержка территориальной целостности Азербайджана и Грузии. Следуя одному из основополагающих принципов международного права, таким образом, преследовалась цель по обеспечению безопасности собственных государственных границ и территориальной целостности, пресекались опасные тенденции в Восточном Азербайджане.

Взвешенные и гибкие действия Ирана также были продиктованы наличием многочисленных азер-

байджанской, армянской и грузинской диаспор. Дополнительным фактором демонстрации нейтралитета выступала и общая граница с территориями, на которых происходили военные действия – Иран граничит как с Азербайджаном, так и с провозгласившей независимость Нагорно-Карабахской республикой. Спектр этих особенностей в связке с торгово-экономическими, историко-культурными и религиозными связями сформировал политические и дипломатические подходы Ирана в стратегии по урегулированию южнокавказских конфликтов на рубеже XX-XXI вв.

Представители научного сообщества Ирана характеризовали политику тогдашнего руководства во главе с президентом Али Рафсанджани как «возрождение отношений Ирана в Закавказье». В частности, такой постулат предлагал В.К. Каледжи, отмечавший, что правительство не стояло перед дилеммой по вопросу перспектив установления сотрудничества с бывшими советскими республиками. «Иранцы не ставили перед собой вопрос «нужно ли устанавливать отношения с этими странами?». Речь могла идти лишь о возрождении отношений, так как Иран и южнокавказские народы имеют долгую историю сотрудничества...» [1, 74].

Политику Ирана, не признавшей независимость самопровозгла-

шенных республик, выстраивавшей долгосрочные отношения с Азербайджаном, Арменией и Грузией, занявшей позицию миротворца и переговорщика характеризовали как «прагматичную» [2, 133] или как «политика цветочного венка» [3, 220]. Кавказский вектор иранской дипломатии вызывал особый интерес исследователей, предложивших собственные оценки этого направления.

Вместе с тем представляется справедливой позиция А.К. Дудайти, отметившего «амбивалентный» характер закавказской политики Ирана, в частности по нагорно-карабахскому конфликту, который указал на «противоречивый подход руководства Ирана к развитию отношений с Азербайджаном» [4, 72].

В целом, политика Ирана в отношении новых кавказских государств, воевавших со своими бывшими советскими автономиями, была направлена на сохранение территориальной целостности, политической стабильности соседних стран и центральной власти, укрепление региональной безопасности. Достижение этих целей осуществлялось благодаря поддержке дипломатических отношений со всеми тремя южнокавказскими государствами, расширению торгово-экономического, энергетического сотрудничества: в отличие от Турции и России – Турция

не имеет дипотношений с Арменией, а Россия – с Грузией. В сложившейся геополитической конфигурации Иран играл сбалансированную роль, уравнивая свои отношения с Баку, Ереваном и Тбилиси. Одной из известных миротворческих миссий стало подписание Тегеранского коммюнике лидерами Ирана и Армении в мае 1992 г. в Тегеране, однако не вступившее в силу из-за обострения военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта.

Таким образом, концепция внешнеполитического курса, которую Иран последовательно реализовывал на Южном Кавказе, нашла отражение в официальном документе ИРИ «Стратегия 20-летнего развития Исламской Республики Иран на период до 2025 г.» [5]. В документе были определены главные цели и задачи ИРИ по долгосрочному сотрудничеству с государствами Южного Кавказа. Регион Большого Кавказа рассматривался как особый фактор в формировании внешней политики в целом во всей Юго-Западной Азии, куда Тегеран относит и Закавказье.

В начале XXI в., сохраняя приверженность принципам прагматичной, но гибкой и взвешенной политики, Иран поддержал территориальную целостность Грузии. Как и ранее, в начале 90–х. XX в. был сохранен относительный нейтралитет по отношению к грузино-абхазскому и

грузино-югоосетинскому вооруженным конфликтам.

Соответствующие подходы Ираном были продемонстрированы и в первой четверти XXI в. в ходе августовской войны / пятидневной войны в Южной Осетии в 2008 г., несмотря на заметное охлаждение двусторонних отношений с Грузией. После прихода к власти в Грузии М. Саакашвили визиты первых лиц двух стран с 2004 г. прекратились. В 2007–2008 гг. в преддверии начала вторжения ВС Грузии на территорию Республики Южная Осетия отрицательно сказались на ирано-грузинских взаимоотношениях арест в Грузии гражданина ИРИ, ученого-физика Амирхосейна Ардебиля, переданного в 2008 г. США. Этот фактор сыграл деструктивную роль в двусторонних отношениях и произошел в период очередной вооруженной эскалации, развязанной Грузией в 2008 г. Однако Тегеран не уклонился от своего стратегического курса и выступил за территориальную целостность Грузии. Позицию ИРИ в отношении Грузии, посол Тегерана в Тбилиси Маджид Сабер назвал проявлением настоящей дружбы, а Иран настоящим другом Грузии, доказавшим это «в трудные минуты» [6]. Дуализм закавказской политики был продемонстрирован на примере отношения Ирана к Августовской войне: указав на ошибочность политики Грузии,

развязавшей войну против Южной Осетии и Абхазии, Иран не признал независимость этих республик и не поддержал решения Российской Федерации о признании государственного суверенитета Республики Абхазия и Республики Южная Осетия 26 августа 2008 г. Подобный подход Тегерана по отношению действиям и политике РФ в регионе – Операции по принуждению Грузии к миру – мог быть продиктован недовольством ИРИ действиями Москвы, поддержавшей санкции против ИРИ и проголосовавшей за резолюции СБ ООН (1696, 1737, 1747, 1803, 1929). Наметившееся сближение Москвы и Вашингтона по иранской ядерной программе в 2008 г. могло отразиться на позиции Тегерана по августовскому кризису в Южной Осетии. Сдержанная, относительно нейтральная позиция Тегерана на Августовскую войну также объясняется реализацией Ирана газовой политики в отношении трех закавказских государств, которая в период президентства М. Ахмадинежада стала приносить очевидные успехи – расширение политического влияния на Закавказье посредством поставок газа еще в 2005-2006 гг. транзитом через Азербайджан в Грузию, которое обеспечило альтернативные российскому газу поставки [7].

Вместе с тем, обоюдное стремление ИРИ и РФ предотвратить всту-

пление Грузии в НАТО и сохранить баланс сил в Закавказье, расценивается как соответствующая региональной безопасности политика и поддерживается и частью экспертного сообщества в самой Грузии, которое отмечает справедливый характер подобных опасений, указывает на провокационный политический курс США в регионе. Называлась характерная особенность взаимоотношений Ирана с РФ, в частности, указывалось на «приемлемость для Ирана сохранения влияния в регионе», нежели «вступление Грузии в НАТО, или еще большего влияния Турции. Ирану выгоднее обоюдно действовать вместе с Россией в регионе, чем с каким-нибудь другим игроком» [8, 151].

Правительство Грузии также отмечало важность углубления и расширения отношений с Ираном, включило это стратегическое направление в «Стратегию внешней политики Республики Грузия в 2015-2018 гг.» [9], однако в осуществлении подобного политического курса усомнились некоторые грузинские ученые, отметившие неспособность Грузии реализовать независимый от США внешнеполитическую деятельность и проведение национально ориентированной политики, что приводило к проигрышу Грузии в достижении долгосрочных отношений с Ираном, и, как следствие,

срыву в том силе сотрудничества в торгово-экономических проектах, транспортных и энергетических сферах. Высказывалась точка зрения о возможности проведения взаимовыгодных грузино-иранских и ирано-грузинских контактов на фоне уменьшения влияния США в регионе, потери влияния в Афганистане и Ираке, усиления присутствия России на Ближнем Востоке и «успешной военной операции РФ в Сирийской Исламской Республике», оказания Россией помощи легитимной власти в лице президента Сирии Б. Асада. В целом, для сбалансированных отношений между Россией и Ираном с региональными странами, в частности, Грузией, необходимо усиление влияния России как стабилизирующего фактора и на Ближнем Востоке, и в Закавказье, что соответствует интересам Ирана, и могло бы способствовать возобновлению отношений между Россией и самой Грузией в перспективе [8, 156.]

В сложившихся условиях и с учетом совокупности этих факторов после вторжения Вооруженных сил Грузии на территорию Республики Южная Осетия в 2008 г. МИД Ирана выступил с заявлением о необходимости прекращения военных действий, предложив свои посреднические усилия в период острой фазы конфликта 10 августа 2008 г. [10]

Иранские СМИ придерживались

согласованной позиции: в период острой фазы конфликта транслировали официальные заявления руководства ИРИ, а также предоставляли дозированную информацию из Грузии и России; в иранской прессе преобладала грузинская версия причин начала Августовской войны. Информация непосредственно с зоны боевых действий – территории Южной Осетии – СМИ Ирана цензурировали, при этом Южную Осетию указывали исключительно как «часть Грузии», а действия РФ как «вторжение в Грузию». К исследуемой проблеме в 2008 г. обращался Н.К. Тер-Оганов, который указывал на «осторожность» действий как руководства ИРИ, так и иранских масс-медиа в период Августовской войны в Южной Осетии. Отмечалось, что Иран уклонился от поддержки или обвинения России и Грузии: «С одной стороны, Иран был бы рад поддерживать своего геополитического союзника Россию в конфликте с Грузией, но, с другой стороны, принимая во внимание пестроту национального состава собственного населения, его руководители предпочли не высказываться по поводу данного конфликта» [11].

Анализ иранских СМИ в первые дни Августовской войны выявил информационную стратегию, полностью соответствовавшей и отражавшей официальную позицию Ирана.

При этом она определялась не только как осторожная, но как запоздавшая и противоречивая, как и сама реакция руководства ИРИ. Тер-Оганов указывал на заявление посольства Ирана в Грузии, опубликованное 11 августа 2008 г. государственным информационным агентством IRNA, в котором выражались предостережение и нежелательность характера поездок в Грузию из-за военных действий [11]. Текст обращения носил «прогрузинский» характер, содержание которого соответствовало общей тональности распространявшейся Грузией и нанятым правительством Саакашвили западных PR-агентств для осуществления информационной войны против РЮО и России [12, 300].

В заявлении иранской дипмиссии использовались антироссийские тезисы, тиражировавшиеся пропагандистскими СМИ Запада, в частности, о «русских танках, через сепаратистский анклав – Южную Осетию – вошедших в Гори» [11]. Грузия выступала «жертвой» России, при этом никак не упоминались жертвы грузинской агрессии в РЮО и предыстория грузино-южноосетинского конфликта.

Проправительственное консервативное издание «Ettelaat International», которое со ссылкой также на посольство Ирана в Грузии предприняло попытку предоставить

читателю альтернативную информацию. События интерпретировались под ракурсом грузинской информационной стратегии: было сказано о 40 тысяч грузинских беженцев, сообщалось, что Грузия понесла потери в живой силе предположительно от 92 до 150 человек, но также была отражена и критическая ситуация с жертвами среди мирного населения Южной Осетии [11].

17 августа спикер МИД Ирана Хасан Гашкави в интервью государственному информационному агентству IRNA заявил о «готовности предложить любую помощь», чтобы положить конец кризису в Южной Осетии и призвал РФ и Грузию к переговорам. Выразалась обеспокоенность кризисом, способным повлиять негативно на весь регион «в связи с военными конфликтами в Южной Осетии, которые привели к убийству беззащитных людей, и призывает к немедленному прекращению столкновений» [13].

29 августа 2008 г. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад в Душанбе после встречи лидеров Ирана, Афганистана и Таджикистана назвал возможной причиной августовского кризиса «вмешательство сионистов»: «У нас есть информация, что в проблемы Грузии вмешались сионисты, но мы будем надеяться, что народы Закавказья решат свои проблемы и будут жить в мире».

Ахмади-неджад определил отношения между Ираном и США, заявив, что между двумя этими странами «нет никакого льда, а если бы он был, то наше тепло давно бы его растопило». Отношения с Россией оценил, как «очень хорошие», Россия и Иран «хорошие соседи и региональные партнеры», руководство ИРИ находится в постоянных контактах с РФ для решения «различных актуальных проблем» [14].

2 сентября 2008 г. иранское издание «Ettelaat» процитировало Х. Гашгави, заявившего о нейтральной позиции страны по «кризису в Грузии», о реализации собственной внешнеполитической стратегии, выражавшейся в признании основополагающего фактора России как региональной силы способной урегулировать конфликт: «Геополитическая реальность говорит нам о том, что региональные рамки являются наилучшим путем решения [конфликта], и никто не может отрицать фактор России. Любое иностранное и вне региональное вмешательство является дестабилизирующим фактором и не служит делу установления мира и стабильности на Кавказе» [11].

Характерно, что в ходе военных действий и в постконфликтный период, официальные лица Ирана выступали с противоречивыми заявлениями. В частности, глава МИД ИРИ во время острой фазы

конфликта заявлял об отсутствии поддержки России и проведении нейтральной политики. 17 сентября 2008 г. глава иранской дипломатии Манучар Мотэк в Тбилиси после встречи с министром иностранных дел Грузии Екатериной Ткешелашвили, отметил, что руководство и правительство ИРИ пока не имеет определенной позиции по отношению к вопросу признания независимости Россией Абхазии и Южной Осетии. Визит в Грузию состоялся после посещения РФ, Азербайджана и Армении и был обусловлен планами Тегерана предпринять усилия по урегулированию отношений между Россией и Грузией. Глава МИД ИРИ Манучехр Моттаки предлагал план мирного урегулирования, однако иранская дипломатия не смогла достичь успеха. Господином Моттаки было подчеркнуто, что «этот кризис связан целиком с регионом, и он не ограничен локальными границами». Им опровергалась информация, что Иран собирается быть посредником между Россией и Грузией, но озвучивались опасения иранского руководства эскалацией напряженности в Закавказье, предупреждение возможных негативных для ИРИ последствий в «чувствительном и важном» кавказском регионе. Лейтмотивом заявлений М. Моттаки являлась заинтересованность ИРИ в сохранении безопасности энерге-

тических коридоров по Северо-Южному маршруту, о чем он проинформировал президента Грузии М. Саакашвили [15].

Позднее с трибуны 63-й Генассамблеи ООН 25 сентября 2008 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад обвинил внерегиональных игроков (НАТО, Запад, сионистов) в разморозке грузино-югоосетинского конфликта, при этом сравнил грузинский народ с абхазским и осетинским, которых посчитал жертвами милитаристской политики коллективного Запада: «Жизнь, собственность и права народов Грузии, Южной Осетии и Абхазии оказались жертвами заговоров и провокаций со стороны НАТО и некоторых стран Запада, военных союзов и тайных действий сионистов» [16].

Несмотря на заявления о соблюдении территориальной целостности Грузии, Иран высказал опасения внешней политикой Грузии, превратившей страну в плацдарм для США и НАТО, что свидетельствуют о сохранявшихся и усилившихся противоречиях в ирано-грузинских отношениях. Стремление противодействовать расширению влияния НАТО в зоне исторических интересов Ирана подталкивало Тегеран к смягчению критики России и лояльности Москве. Вторым фактором, указывавшим на долгосрочный, неразрешимый характер противоре-

чий с Тбилиси являлось недовольство Ирана возрастающим контролем Запада над энергетической инфраструктурой и монополией над нефтегазовыми ресурсами Южного Кавказа. Однако следуя стратегии сохранения дипломатических отношений со всеми тремя кавказскими государствами Иран продолжил придерживаться курса на непризнание бывших самопровозглашенных, а с 26 августа 2008 г. частично признанных государств – Абхазии и Южной Осетии.

В феврале 2010 г. посол ИРИ в РФ Сейед Махмудреза Саджади выступил с заявлением о том, что Иран осудил агрессию Грузии, но пока не готов признать суверенитет РА и РЮО, вместе с тем сочувствует двум кавказским народам и готов участвовать в восстановлении их экономики. С точки зрения Ирана «признание независимости таких объектов в регионе пока не входит в основную политику Исламской Республики Иран». Господин Саджади высказал мнение, что признание «провоцируют другие войны и кровопролития», поэтому не признали и Косово [17].

Примечательно, что заявление посла ИРИ в РФ последовали после заметного сближения Тегерана и Тбилиси, выразившегося в визите главы МИД Грузии Георгия Вашадзе в Иран в январе 2010 г. [18] и последовавшим за этим визитом решение

об открытии генерального консульства Ирана в Батуми.

Потепление отношений было непродолжительным и вмешательство США вынудило правительство Грузии в одностороннем порядке отменить безвизовый режим с Ираном, сократить присутствие иранского бизнеса и культурного влияния. Визовый режим был отменен Грузией 15 февраля 2016 г., характерно, что Иран не ввел зеркальные меры и не ограничил права граждан Грузии, сохранив для них безвизовое посещение страны.

Ведущие государственные СМИ Ирана, включая старейшее информационное агентство IRNA, освещавшие Августовскую войну и связанные с нею события, рассматривали проблему с ракурса противостояния России с НАТО, объясняли позицию Москвы, принудившей Грузию к миру в контексте угрозы расширения НАТО на Восток и провокационной политики Грузии, объявившей о вступлении в НАТО. Действия Тбилиси рассматривались в призме конфронтационного курса с Москвой, реализующей политику Запада в регионе [19]. Это вызывало опасения Ирана и подталкивало его к сближению с Россией. На фоне разрыва с Грузией и обострением с США, ИРИ рассчитывало на конфликт в СБ ООН по иранской ядерной программе, и решению РФ фор-

сировать завершение строительства ядерного реактора в Бушере. Вторым фактором соответствовавшим интересам Тегерана по итогам Августовской войны стало начало интеграции Ирана с ШОС.

Анализ используемой СМИ Ирана топонимики также выявил противоречия при упоминании Республики Южная Осетия в публикациях и репортажах иранских СМИ. Автором выявлен также амбивалентный подход в информационной стратегии изданий. Официальное информационное агентство IRNA, которое финансируется правительством ИРИ и контролируется Министерством культуры и исламской ориентации, в некоторых публикациях посвященных Августовской войне 2008 г. использовало нейтральный термин «Южная Осетия» [20].

В других материалах детализировалось: «Южная Осетия и Абхазия, отколовшиеся от Грузии», но отмечалось, что Южная Осетия – отдельный независимый от Грузии регион, хотя по отношению к ней не используется термин «республика», иранские журналисты косвенно указывали, что Августовская война началась по вине Грузии и классифицировали действия Грузии как «вторжение Грузии в Южную Осетию» [21].

В ходе исследования проблемы были исследованы более «прогрузински» ориентированные статьи,

где авторы используют ярлыки в отношении президентов РА и РЮО «лидеры сепаратистских регионов Грузии» [22].

Подобные противоречия в использовании IRNA топонимики и терминологии являются следствием и отражением официальной дуалистичной кавказской политики Ирана по отношению к конфликту между Грузией и Южной Осетией. С одной стороны – признание территориальной целостности Грузии, с другой – сочувствие малым кавказским народам – абхазам и осетинами, и с третьей – комплементарная риторика в адрес РФ и обличительная в отношении «мирового зла» – коллективного Запада, НАТО и сионизма.

В связи с вышеизложенным, автору представляется справедливым отметить амбивалентный, противоречивый характер не только официальной позиции руководства Ирана, как это определил А.К. Дудайти, но и подобный характер деятельности иранской прессы в отношении Августовской войны 2008 г.

Определенная трансформация информационной политики СМИ Ирана в отношении РЮО наблюдается позднее. В период постконфликтного урегулирования в мае 2015 г. IRNA при освещении поездки делегации Торгово-Промышленной палаты РЮО в иранскую провинцию Голестан отступает от ранее исполь-

зуемых клише и в материале указала полное официальное название Южной Осетии как «Республика Южная Осетия». Была обозначена официальная должность главы югоосетинской делегации – заместителя председателя правительства Республики Южная Осетия Алана Техова, который заявил, что среди приоритетов в повестке дня кабинета министров Южной Осетии – построение торгово-экономических отношений с Ираном. Авторы публикации поясняли, что Южная Осетия была признана Россией, после нападения Грузии на Южную Осетию, «Россия отразившая нападение Грузии на Южную Осетию в 2008 г. признала ее независимость» [23].

Анализ информационной стратегии иранских СМИ по освещению Августовской войны и ее последствий, кроме IRNA, представлен также исследованием редакционной политики частного информационного агентства Tasnim News Agency, созданного в 2012 г. В аналитической статье, посвященной постконфликтному периоду в Южной Осетии, освещались президентские выборы и референдум о переименовании Республики Южная Осетия в Государство Алания в апреле 2017 г. Внутриполитическая ситуация рассматривалась в контексте противостояния Грузии и НАТО с Россией, Южной Осетией и Абхазией. Отказываясь

признавать конституционные президентские выборы и плебисцит законными, корреспонденты агентства критиковали стремление одного из кандидатов в президенты РЮО провести референдум о вхождении в состав России, указывали на особенности истории разделенного осетинского народа, стремящегося к объединению в составе РФ. Вновь повторялись нарративы о «сепаратизме» осетин: «Россия после распада Советского Союза пыталась использовать инструменты, поддерживающие пророссийских сепаратистов в регионе, в качестве рычага давления для установления контроля над Грузией, а также влияния и господства в Кавказском регионе». Автор указывал, что конфронтация между Грузией и Южной Осетией, может спровоцировать обострение отношений между их союзниками, в данном случае США и Евросоюз на стороне Грузии, а Российская Федерация на стороне Южной Осетии. Выводы редакции Tasnim News Agency сводились к выводам об осуществлении США и Европейского Союза деструктивной политики в непосредственной близости границ ИРИ и зоне ее исторических интересов: «В любом случае, если проблемы, вызванные этническими конфликтами в этой области, не будут решены, прямое присутствие США и ЕС в этой области усилит и конфликты в других регионах Кав-

каза, таких как Абхазия и вблизи границ России, за которыми следует следить» [24].

Сравнительно-сопоставительный анализ содержания и характера публикаций на Tasnim News Agency спустя два года – в 2017 г. – выявил трансформацию информационной политики агентства, демонстрировавшей относительно нейтральный подход при освещении событий в Южной Осетии. Большой интерес иранских СМИ вызвали заявления министра иностранных дел РЮО Д.Н.Медоева о готовности РЮО вести переговоры с ИРИ о торгово-экономическом и культурно-историческом взаимодействии [25].

Редакция опубликовала краткую ретроспективу истории осетинского народа. Были обозначены принадлежность осетин к индоиранской языковой группе, национальная идентичность, религиозная принадлежность – православные христиане, мусульмане, которые представляют интерес для Ирана и интересуются Ираном. Редакция воздержалась от использования пропагандистских клише и ярлыков: «сепаратисты», однако в тексте указывала, что «Южная Осетия расположена на севере Грузии», «центр ее – город Цхинвали». Вместе с тем заявления главы МИД РЮО были опубликованы без интерпретаций, была распространена прямая речь югоосетинского ди-

пломата, также полностью был указан официальный статус госдеятеля: «министр иностранных дел Южной Осетии», однако без уточнения субъектности Южной Осетии в качестве Республики. Подобный подход представлялся де-факто признанием редакции Tasnim News Agency легитимности органов власти и правительства РЮО [26].

Отметим, что двойственную позицию информационной стратегии СМИ Ирана, и, соответственно, иранской кавказской политики, разделяли и российские информагентства, специализирующиеся на новостях об Иране и из Ирана. Автором по исследуемой проблеме был проанализирован контент сайта российского информационного агентства IRAN. ru. В редакционной статье, посвященной заявлениям главы МИД РЮО Д.Медоева о готовности укреплять связи республики с Ираном, сделанных в июле 2019 г., авторы публикации назвали частично признанное государство «автономией», отмечая, что «лишь несколько государств-членов ООН признают Республику Южная Осетия, в том числе Россия, Науру, Венесуэла и Никарагуа».

Отметим, что трансформация нарративов и официальной риторики Ирана с 2010 по 2017 гг. в отношении Южной Осетии произошла заметная. Категоричность суждений

сменилась на лояльную, дружественную тональность: если в 2010 г. посол ИРИ в РФ исключал признание независимости РЮО и называл ее частью Грузии, выступал за ее территориальную целостность, то в декабре 2017 г. уже другой посол ИРИ в РФ Мехди Санаи открыто заявил о заинтересованности ИРИ в установлении двустороннего сотрудничества с Южной Осетией в области образования и науки. Главный объединяющим фактором, общность интересов ИРИ с РФ – главным союзником РЮО – были выражены в обоюдном стремлении по сопротивлению экспансии НАТО на Южном Кавказе; объединении совместных усилий по стабилизации геополитической обстановки у границ ИРИ и РФ, где угрозой региональной безопасности был обозначен внешнеполитический курс Грузии, нацеленный на вступление в НАТО и ЕС. Господин М. Санаи указал на сомнительность и опасность реализации Грузией подобного сценария. Подчеркивалось, что «Иран в качестве крупной региональной державы заинтересован в том, чтобы ни одна страна из нашего региона не вступила в НАТО» [27].

В процессе исследования особенностей информационной политики СМИ Ирана выявлена их зависимость от влияния государственной власти, секвестирование относительно независимых, оппози-

ционных СМИ, зарубежных СМИ. Подобные процессы в медиа сфере ИРИ стали осуществляться незадолго до августовского кризиса в Закавказье и были обусловлена приходом к власти «неоконсервативного крыла иранского политического истеблишмента на парламентских (2004 г.) и президентских (2005 г.) выборах. Новые власти внесли определенные коррективы в расклад сил в иранском журналистском пуле, существенно затруднив деятельность либеральных и реформаторских печатных изданий» [28]. Работников СМИ призвали к самоцензуре при освещении чувствительных для страны тем межрелигиозного и межэтнического характера. Специфика информационной стратегии заключалась в рекомендациях воздерживаться от публикаций, способных нанести ущерб внутривнутриполитической стабильности государства, запрете «огорчающих» публикаций. Вместе с тем агитационно-пропагандистские и технические возможности современных СМИ объективно оценивались в руководстве ИРИ, которое использовало весь инструментарий в процессе реализации информационного противоборства с идеологическими врагами Ирана.

В одном из своих заявлений в 2006 г. президент М. Ахмадинежад призвал редакции иранских СМИ к готовности и способности проти-

востоять информационным атакам на Тегеран, отмечал, что в современном мире «продолжается скрываема, неосвещаемая война, в которой главную роль играют СМИ». Было рекомендовано адаптироваться к быстроизменяющимся информационным стратегиями и технологиям «при помощи современных систем и новшеств адаптироваться к этим изменениям». В соответствии с этой директивой руководителем IRNA С.Д. Фиязи позднее была озвучена необходимость по обновлению информационной политики ИРИ. Новая информационная концепция включала в себя госплан по увеличению числа негосударственных информационных агентств с целью ослабления цензуры, и «способных к конструктивной конкуренции», однако четко приверженных официальной государственной политике ИРИ, включая ближневосточный и кавказский векторы внешней политики [29].

В этой связи автору представляется объективной выдвигаемая версия, согласно которой, частное агентство Tasnim News Agency, созданное после 2006 г. и вступления в силу обновлённой информационной стратегии, учреждено в рамках выше обозначенной стратегии, в связи с чем демонстрирует более лояльную, гибкую информполитику в отношении частично признан-

ных южнокавказских республик и, в целом, кавказской политики Ирана. Анализ иранских СМИ и других источников, позволяет прийти к следующим выводам и заключениям. Представляется актуальной концепция, выдвинутая российскими и иранскими учеными, отмечавшими амбивалентный характер внешней политики Ирана по отношению к государствам Южного Кавказа, «сложный характер» взаимоотношений Ирана с Грузией, подвергавшихся «частым колебаниям из-за меняющейся политической динамики в Грузии» [30]. По справедливому замечанию авторов, «налаживанию взаимовыгодных связей двух стран мешал прозападный курс Грузии, стремление интегрироваться в евроатлантические структуры... в Тегеране старались не высказываться официально по поводу выстраиваемой грузинскими властями линии на близкие отношения с Западом, хотя там опасались, что территория Грузии может быть использована США и их натовскими союзниками в случае военной агрессии против Ирана; с большой тревогой следили в Иране за растущим сотрудничеством Грузии с Израилем, особенно в военной сфере. До августовской войны 2008 г. грузинская армия в основном снабжалась израильской военной продукцией» [30, 42].

Таким образом, информационная политика Ирана и информационные стратегии ведущих иранских государственных и частных СМИ по проблеме освещения Августовской войны в Южной Осетии 2008 г. идентичны действующей до 2025 г. внешнеполитической концепции ИРИ, в которой признается территориальная целостность Грузии. Кавказская политика Ирана остается амбивалентной, противоречивой и гибкой при выстраивании и развитии отношений с южнокавказскими государствами, отказе от признания независимости РА и РЮО. Вместе с тем, отношения с Грузией представляют собой противоречивый характер, обусловленный прозападной политикой Тбилиси, которую Тегеран классифицирует как угрозу региональной безопасности. Взаимоотношения с Россией определяются общими интересами по предотвращению расширения экспансии внешних игроков – стран Запада – на Южном Кавказе. Эти компоненты были в совокупности отражены в деятельности иранских СМИ в процессе освещения августовской войны и ее последствий. Характер информационных подходов при освещении августовского кризиса представляется сложным, амбивалентным, как и сама кавказская политика Ирана.

1. *Каледжи В.К.* Компоненты внешней политики Ирана на Кавказе: Единство и баланс // Иран и республики Южного Кавказа. Тегеран, 2017. 207 с.
2. *Hunter Sh.* Iran's Pragmatic Regional Policy // *Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 56. No. 2. Pp. 133-147.
3. *Halliday F.* The Empires Strike Back? Russia, Iran and New Republics // *The World Today*. 1995. No. 51. Pp. 220-222.
4. *Дудайтми А.К.* Проблемы кавказской политики Ирана в период вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (1991-1994 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 71-75.
5. 20 Year national vision. [Электронный ресурс]. URL: <https://irandatarportal.syr.edu/20-year-national-vision>
6. Iran's Near Abroad. Foreign Policy. [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/09/20/iran's-near-abroad/>
7. *Мальцев Е.Б.* Ирано-грузинский газопровод как фактор глобальной энергетической стратегии Тегерана. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4201>
8. *Сухиашвили Д.* Патология в отношениях Ирана и Республики Грузия // Иран и республики Южного Кавказа. Тегеран, 2017. 207 с.
9. დიპლომატიური ურთიერთობების ქრონოლოგია [Хронология дипломатических отношений] [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.ge/bilateral-relations/ir> (на груз. яз.)
10. Иран осуждает действия Грузии и готов оказать помощь. [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/news/2682>
11. Тер-Оганов Н.К. Конфликт на Кавказе и позиция Ирана. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7498>
12. *Тарханова Ж.Д.* Фактор PR-технологий и масс-медиа в информационных войнах в вооруженных межэтнических конфликтах (на примере августовской войны 2008 года в Южной Осетии): Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием. (Владикавказ, 24–26 мая 2021 г.). Владикавказ, 2021. С. 298-301.
13. Iran Offers “Any Help” In South Ossetia Crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080817070305/http://www.nasdaq.com/aspxcontent/NewsStory.aspx?cpath=20080809%5CACQDJON-200808090757DOWJONESDJONLINE000246.htm&selected=9999&selected-displaysymbol=9999&mypage=newsheadlines&title=Iran%20Offers%20%27Any%20Help%27%20In%20South%20Ossetia%20Crisis>

14. Ахмадинежад рассказал о роли сионистов в грузинском кризисе. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/08/29/reason>
15. Иран не определился с позицией по конфликту Грузии с Южной Осетией и Абхазией. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caucasianknot.eu/articles/141810/>
16. *Габуев А., Сидоров Д.* Генассамблею ООН призвали на кавказскую войну. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1030988>
17. Iran Not to Recognize Abkhazia, S. Ossetia's Independence. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8711191718>
18. ვაშადზე ერთდღიანი ვიზიტით ირანს სტუმრობს [Вашадзе посетит Иран с однодневным визитом]. [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.ge/ka/archives/147395> (на груз. яз.)
19. How show Georgia in conflict year's Last [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/7384232/how-show-Georgia-in-conflict-year-s-Last-UPI-11-April-MOSCOW>
20. A attended Georgians of Thousands. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/7383684/a-attended-Georgians-of-Thousands-UPI-9-April-Georgia>
21. Agreements security five-year signed Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/7388084/agreements-security-five-year-signed-Russia-UPI-1-May-MOSCOW>
22. And Russia between Thursday agreement An [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/7388141/and-Russia-between-Thursday-agreement-An-UPI-1-May-WASHINGTON>
23. کرد تاکید گلستان استان با روابط گسترش بر جنوبی اوستیای جمهور رییس معاون [Вице-президент Южной Осетии акцентировал внимание на расширении отношений с провинцией Голестан]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/81620848/با-روابط-گسترش-بر-جنوبی-اوستیای-جمهور-رییس-معاون-گلستان-استان> (на перс. яз.)
24. قفقاز در غرب و روسیه جدید تقابل جنوبی؛ اوستیای و گرجستان مناقشه [Конфликт между Грузией и Южной Осетией: Новый конфликт между Россией и Западом на Кавказе]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/01/23/1376455/غرب-و-روسیه-جدید-تقابل-جنوبی-اوستیای-و-گرجستان-مناقشه> (на перс. яз.)
25. *Медоев Д.Н.* Глава МИД Южной Осетии: мы готовы к сотрудничеству с Ираном. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://cominf.org/node/1166514068>

26. ایران با همکاریها گسترش برای جنوبی اوستیای آمادگی [Готовность Южной Осетии расширять сотрудничество с Ираном]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1398/04/29/2057750/برای-جنوبی-اوستیای-آمادگی> ایران-با-ها-همکاری-گسترش (на перс. яз.)

27. Санаи М. Иран намерен сотрудничать с Южной Осетией в области образования и науки. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://cominf.org/node/1166514056>

28. Розов А.А. Иранские СМИ: адаптация к новым условиям. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4237>

29. Воронов С.С. Последние тенденции в работе иранских СМИ. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5294>

30. Дудайти А.К., Моршедлу Дж., Абдоллахи М. Некоторые аспекты отношений Ирана со странами Южного Кавказа после августовского кризиса 2008 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 3. С. 39-46.

Tarkhanova, Zhanna D. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); arts777@mail.ru

IRAN'S POSITION ON THE AUGUST 2008 WAR AND POST-CONFLICT SETTLEMENT (ON IRANIAN MEDIA MATERIALS).

Keywords: *Iran, Georgia, South Ossetia, the Caucasian politics of Iran, the August 2008 war, media.*

The article reveals the peculiarities of the Caucasian foreign policy of the Islamic Republic of Iran and the information strategies of the Iranian press on the coverage of South Caucasian ethno-political conflicts on the example of the August 2008 war and post-conflict settlement. The reasons for the "ambivalent" policy of the IRI in the region due to complex political, trade, economic, historical and cultural factors affecting the activities of the IRI in the South Caucasus are revealed. A comparative analysis of the policy of Iran and Turkey is carried out, an official "flexible" strategy in relations with the post-Soviet republics: Azerbaijan, Armenia and Georgia is revealed, which consists in recognizing the territorial integrity of these countries, while relations are complicated by a number of aspects, in the case of Georgia, this is Tbilisi's pro-Western, Euro-Atlantic course unfriendly to Iran. The problem is considered in the context of Iranian-Russian relations and Iranian-Georgian relations, which were characterized by certain problems during the period under review: the position of the Russian Federation in the UN on Iran's nuclear program; integration processes and trends initiated by Georgia with NATO and the European Union. These factors determined Iran's diplomatic activities in relation to the August crisis and the post-conflict period. The problem is investigated based on the materials of the Iranian state and pro-government media, as well as the regional press for the period from August 2008 to

December 2017, official documents of Iran, Georgia, scientific papers of scientists dealing with regional security issues in the South Caucasus. The transformation of the foreign policy concept of the Iranian Foreign Ministry and official media from 2008 to 2017 in the context of relations with the Republic of South Ossetia is revealed. The information approaches of the Iranian media correspond to the official foreign policy strategy of Iran, and there is a lack of an alternative previously approved information concept.

For citation: Tarkhanova, Zh.D. Iran's position on the August 2008 war and post-conflict settlement (on Iranian media materials) // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 51 (90). Pp. 65-86. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.011

References

1. Kaledzhi, V. K. *Komponenty vneshney politiki Irana na Kavkaze: Yedinstvo i balans*: [Components of Iran's foreign policy in the Caucasus: Unity and balance]. *Iran i respubliki Yuzhnogo Kavkaza* [Iran and the Republics of the South Caucasus]. Tehran, 2017. 207 p.
2. Hunter, Sh. Iran's Pragmatic Regional Policy. *Journal of International Affairs*. 2003, vol. 56, no. 2, pp. 133-147.
3. Halliday, F. The Empires Strike Back? Russia, Iran and New Republics // *The World Today*. 1995, no. 51, pp. 220-222.
4. Dudaiti, A.K. *Problemy kavkazskoy politiki Irana v period vooruzhennogo konflikta v Nagornom Karabakhe (1991-1994 gg.)* [Problems of Iran's Caucasian policy during the armed conflict in Nagorny-Karabakh (1991-1994)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. 2019, no. 1, pp. 71-75.
5. 20 Year national vision [Electronic resource]. URL: <https://irandataportal.syr.edu/20-year-national-vision>.
6. Iran's Near Abroad. Foreign Policy [Electronic resource]. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/09/20/iran's-near-abroad/>
7. Maltsev, Ye.B. *Irano-gruzinskii gazoprovod kak faktor global'noi energeticheskoi strategii Tegerana* [Iranian-Georgian gas pipeline as a factor in Tehran's global energy strategy]. [Electronic resource]. 2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4201>
8. Sukhiashvili, D. *Patologiya v otnosheniyakh Irana i Respubliki Gruziiya* [Pathology in relations between Iran and the Republic of Georgia]. *Iran i respubliki Yuzhnogo Kavkaza* [Iran and the Republics of the South Caucasus]. Tehran, 2017. 207 p.
9. *Khronologiya diplomaticheskikh otnoshenii* [Chronology of diplomatic relations]. [Electronic resource]. URL: <https://mfa.gov.ge/bilateral-relations/ir> (In Georgian).

10. *Iran osuzhdayet deystviya Gruzii i gotov okazat' pomoshch'* [Iran condemns Georgia's actions and is ready to provide assistance]. [Electronic resource]. URL: <http://evrazia.org/news/2682>

11. Ter-Oganov, N.K. *Konflikt na Kavkaze i pozitsiya Irana* [Conflict in the Caucasus and Iran's position]. [Electronic resource]. 2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7498>

12. Tarkhanova, Zh.D. *Faktor PR-tehnologii i mass-media v informatsionnykh voynakh v vooruzhennykh mezhethnicheskikh konfliktakh (na primere avgustovskoi voyny 2008 goda v Yuzhnoi Osetii)* [The factor of PR technologies and mass media in information wars in armed interethnic conflicts (on the example of the August 2008 war in South Ossetia)]. *Materialy vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. (Vladikavkaz, 24–26 maya 2021 g.)* [Proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference with international participation. (Vladikavkaz, May 24–26, 2021)]. Vladikavkaz, 2021, pp. 298-301.

13. Iran Offers “Any Help” In South Ossetia Crisis [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20080817070305/http://www.nasdaq.com/aspx-content/NewsStory.aspx?cpath=20080809%5CACQDJON200808090757DOW-JONESDJONLINE000246.htm&selected=9999&selecteddisplaysymbol=9999&mypage=newsheadlines&title=Iran%20Offers%20%27Any%20Help%27%20In%20South%20Ossetia%20Crisis>

14. *Akhmadinedzhad rasskazal o roli sionistov v gruzinskom krizise* [Ahmadinejad spoke about the role of the Zionists in the Georgian crisis]. [Electronic resource]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/08/29/reason>

15. *Iran ne opredelilsya s pozitsiyey po konfliktu Gruzii s Yuzhnoi Osetiei i Abkhaziei* [Iran has not decided on its position on the conflict between Georgia and South Ossetia and Abkhazia]. [Electronic resource]. URL: <https://www.caucasianknot.eu/articles/141810/>

16. Gabuev, A., Sidorov, D. *Genassambleyu OON prizvali na kavkazskuyu voynu* [The UN General Assembly was called to the Caucasian war]. [Electronic resource]. 2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1030988>

17. Iran Not to Recognize Abkhazia, S. Ossetia's Independence Soon [Iran Not to Recognize Abkhazia, S. Ossetia's Independence Soon]. [Electronic resource]. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8711191718>

18. *Vashadze posetit Iran s odnodnevnyim vizitom* [Vashadze will visit Iran on a one-day visit]. [Electronic resource]. URL: <https://civil.ge/ka/archives/147395> (In Georgian)

19. How show Georgia in conflict year's last [Electronic resource]. URL: <https://www.irna.ir/news/7384232/how-show-Georgia-in-conflict-year-s-Last-UPI-11-April-MOSCOW>
20. A attended Georgians of Thousands [Electronic resource]. URL: <https://www.irna.ir/news/7383684/a-attended-Georgians-of-Thousands-UPI-9-April-Georgia>
21. Agreements security five-year signed Russia [Electronic resource]. URL: <https://www.irna.ir/news/7388084/agreements-security-five-year-signed-Russia-UPI-1-May-MOSCOW>.
22. And Russia between Thursday agreement An [Electronic resource]. URL: <https://www.irna.ir/news/7388141/and-Russia-between-Thursday-agreement-An-UPI-1-May-WASHINGTON>
23. *Vitse-prezident Yuzhnoi Osetii aktsentiroval vnimanie na rasshirenii ot-noshenii s provintsiei Golestan* [The Vice President of South Ossetia focused on expanding relations with the province of Golestan]. [Electronic resource]. URL: <https://www.irna.ir/news/81620848/گسترش-بر-جنوبی-اوستیای-جمهور-رییس-معاون> (In Persian)
24. *Konflikt mezhdru Gruziei i Yuzhnoi Osetiei: Novyi konflikt mezhdru Rossiei i Zapadom na Kavkaze* [Conflict between Georgia and South Ossetia: New conflict between Russia and the West in the Caucasus]. [Electronic resource]. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/01/23/1376455/و-گرجستان-مناقشه> (In Persian)
25. Medoev, D.N. *Glava MID Yuzhnoi Osetii: my gotovy k sotrudnichestvu s Iranom* [Head of the Ministry of Foreign Affairs of South Ossetia: we are ready to cooperate with Iran]. [Electronic resource]. 2017. URL: <https://cominf.org/node/1166514068>
26. *Gotovnost' Yuzhnoi Osetii rasshiryat' sotrudnichestvo s Iranom* [South Ossetia's readiness to expand cooperation with Iran]. [Electronic resource]. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1398/04/29/2057750/جنوبی-اوستیای-آمادگی> (In Persian)
27. Sanai, M. *Iran nameren sotrudnichat' s Yuzhnoi Osetiei v oblasti obrazovaniya i nauki* [Iran intends to cooperate with South Ossetia in the field of education and science]. [Electronic resource]. 2017. URL: <https://cominf.org/node/1166514056>
28. Rozov, A.A. *Iranskiye SMI: adaptatsiya k novym usloviyam* [Iranian media: adaptation to new conditions]. [Electronic resource]. 2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4237>

29. Voronov, S.S. *Posledniye tendentsii v rabote iranskikh SMI* [Latest trends in the work of Iranian media]. [Electronic resource]. 2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5294>

30. Dudaiti, A.K., Morshedlu, Dzh., Abdollahi, M. *Nekotoryye aspekty otnoshenii Irana so stranami Yuzhnogo Kavkaza posle avgustovskogo krizisa 2008 g.* [Some aspects of Iran's relations with the countries of the South Caucasus after the August crisis of 2008]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of K.L. Khetagurov North Ossetian State University]. 2023, no. 3, pp. 39-46.